

6. Степин В. С. Указ. соч. С. 680.
7. Трубина Е. Г. Специфика социально-гуманитарного познания // Двадцать лекций по философии. Екатеринбург, 2002. С. 210.
8. Смирнова П. М. Рациональность социального знания: когнитивный нормативизм и стратегия интерпретации // Рациональность на перепутье. М., 1999. Кн. 1. С. 219.
9. Там же. С. 227.
10. Трубина Е. Г. Указ. соч. С. 215–223.
11. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903. С. 282.
12. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. 1991. № 6. С. 46.
13. Моисеев Н. Судьба цивилизации, Путь Разума. М., 2000. С. 22.

С. И. Быкова
г. Екатеринбург

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И «НРАВЫ ИСТОРИКОВ»: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Осмысление исторического опыта своего народа и представления о прошлом всего человечества являются не только интеллектуальной традицией, но и важнейшим аспектом морально-психологической атмосферы в обществе. Восприятие прошлого, оставаясь в любые исторические эпохи одной из составляющих мировоззрения, влияло на отношение к настоящему, определяло «горизонты ожиданий» и формировало модели поведения. События истории никогда не были прерогативой научного познания — каждый человек и разные социальные группы создавали «свой» образ совершившегося, в котором преобладали эмоциональные и ценностно-ориентированные характеристики.

Однако в создаваемых образах прошлого, имеющих множество ракурсов и оттенков, присутствуют принципиальные различия: для многих история остается главным аргументом неизбежности и закономерности всего случившегося и происходящего, основанием для самооправдания. Лишь немногие воспринимают историю как «пространство личной ответственности и труда души»¹. В исторических исследованиях, отличающихся от обыденного восприятия прошлого, тем не менее, влияние названных исходных позиций чрезвычайно велико. Акцентируя внимание на проблемах экономического, социального и политического детерминизма человеческого существования, многие ученые избегали необходимости всестороннего изучения исторической реальности — сложной и проти-

воречивой, подчиняющейся не только объективным законам, но и зависимой от настроений и эмоций действующих людей. В периоды этакратического воздействия на науку историки имели еще одну «степень защиты» от личной ответственности за содержание своих работ — официальную идеологию.

Современная ситуация позволяет историкам использовать достижения всех гуманитарных наук в поисках новых путей познания прошлого, исследования феномена человека и индивидуального сознания. Именно эти направления исторической науки имеют непосредственную практическую ценность для российского общества, находящегося в поисках вариантов реформирования, так как оптимальный путь социального развития предполагает одновременное преобразование институтов государственного устройства и содержания общественного сознания. Решающее значение в этом процессе имеет способность социума к рефлексии, т. е. способность сделать себя предметом критики и изменения. Только благодаря саморефлексии становятся возможными корректирование исторического опыта и воспроизводство значимых ценностей. Хотелось бы надеяться, что новые ракурсы изучения прошлого позволят российскому обществу найти интеграционные ценности, альтернативные идеалам коммунизма и национализма.

Однако ментальность историков остается одним из основных препятствий на пути расширения проблематики исторических исследований и обновления методологии. Особенно устойчивы «ментальные решетки» (Д. Рэнсел) ² в отношении исторической антропологии, ориентированной на изучение социальных идеалов и представлений, моральных приоритетов, традиций, настроений и поступков людей, являвшихся участниками исторического процесса. По этой причине ученые подчеркивают особую актуальность историко-антропологических исследований, «ибо точки, в которых бесконечная и непредсказуемая река бытия конденсируется в некий предметный инвариант потребностей и способностей, оказываются одновременно основными вехами истории в ее предельно широком понимании» ³. Такие исследования очень сложны, ибо предполагают использование синтеза накопленного наукой позитивного знания о человеке, заимствуя его из этнологии, социальной психологии, языкознания, космологии и психиатрии.

Исследования, посвященные «возвращению человека в историю», имеют аксиологическое значение для ныне живущих, так как позволяют понять трагедию предшествующих поколений и предоставляют возможность извлечь уроки. Особенно важно представить «субъективное измерение» истории, рассматривая события

и эпохи как поле возможностей исторического выбора индивида, общества и человечества. Воспринимая историю как итог сознательной и стихийной деятельности человека, как творение его разума и движений души, как путь побед, ошибок и заблуждений, новые поколения имеют возможность на конкретных примерах раскрывать инвариантность отдельной судьбы и всего мира.

Мыслители разных эпох доказывали значение человека как субъекта исторического процесса. В частности, российский историк В. О. Ключевский, подвергая сомнению существование исторических законов, утверждал, что важнейшим фактором развития является «человек — существо мыслящее и сознающее»⁴. М. Мамардашвили видел конечный смысл мироздания и истории в человеческом предназначении — «исполнится в качестве Человека. Стать Человеком». По мнению философа, человек создается в истории «...непрерывно, снова и снова, с участием его самого, его индивидуальных усилий»⁵. Э. Фромм, в отличие от З. Фрейда, подчеркивал значимость ценностных ориентаций человека. Исходя из личностных мотивов — предпочтений индивидов, он выделил основные типы сознания и поведения — ценностное, основанное на гуманистической этике, самостоятельности принятия решений, свободе выбора, и нормативное (авторитарное), детерминированное подчинением авторитету, страхом наказания или ожиданием поощрения⁶. П. Сорокин подчеркивал, что дефицит и дисгармония ценностей становятся причиной кризиса общества, гражданской войны и международных катастроф⁷. Отсутствие ответственного отношения к происходящим событиям ученые характеризовали как «мифическое, доисторическое», «доморальное» существование⁸. Благодаря такому ракурсу изучение прошлого и современности приобретает важное воспитательное значение, поскольку в центре внимания — проблемы нравственности, личного выбора и гражданской позиции индивида.

История воспринимается как «наука о жизни»⁹, если предлагаемый материал позволяет читателям и слушателям представить реалии бытующего существования человека и почувствовать напряженность бытия, в котором каждый творил историю своей судьбы и историю мира. Особенно эффективным является непосредственное знакомство с исторической реальностью прошлого при посещении музеев и тематических выставок в архивах. Содержание эссе, написанных студентами по таким материалам, свидетельствует о формировании личностного отношения к историческим событиям. В частности, после знакомства с экспонатами музея «Шурави» (Уральский государственный педагогический университет), посвя-

ценного истории войны в Афганистане, студенты отмечали, что материалы экспозиции представляют «частицы судеб, собранные в одну огромную трагедию двух государств. Каждая фотография, личная вещь офицера или солдата рассказывает больше, чем десятки книг... Все в музее пропитано болью. Посетив музей, невозможно спокойно и хладнокровно относиться к любой войне». Многие из студентов подчеркивали возникшее ощущение личной утраты и скорби, поскольку солдаты, воевавшие в Афганистане, воспринимались ими как ровесники, оказавшиеся «между бытием и небытием, между жизнью и смертью, между жестокостью и состраданием». Студенты осуждали политиков, принявших решение о «миротворческой миссии» в Афганистане, жертвами которой стали «молодость и сила, жестоко уничтожаемые и, будучи бесценными, обесцененные». Каждый из студентов подчеркнул, что знакомство с музеем стало не только данью памяти погибшим, но и «моментом истины, заставившим задуматься о жизни, о всеобщих ценностях, о долге, о своей стране и собственной судьбе»¹⁰.

История имеет неоспоримое значение как наука, формирующая мировоззрение и — благодаря своей универсальности — преодолевающая границы профессионального знания. Включая в изучаемый материал все сферы жизни общества и деятельности индивида (экономику, технологию, политику, науку, культуру, мораль), история позволяет интегрировать знания, получаемые из других источников, реконструировать социокультурный контекст, который определял специфику развития той или иной науки, особенности новых теорий и методов познания в различные эпохи. Кроме того, именно история показывает всю сложность и противоречивость отношений интеллектуальной элиты, системы образования и воспитания с политическими институтами и официальной идеологией. Огромное значение имеет возможность изучения опыта самоидентификации интеллектуалов (и ученых, в частности) в условиях кризиса и реформирования общества. В настоящее время воспринимаются как актуальные исследования о феномене самоидентификации¹¹, о «бунте против реальности»¹², о «бегстве от преодоления действительности»¹³, о «предательстве интеллектуалов»¹⁴.

Многие ученые считают возможным и необходимым использование нравственных оценок событий прошлого. С точки зрения немецкого историка и философа Ханны Арендт, одним из вариантов является «провоцирующая история события или ситуации, рассказанная с разных точек зрения, — так, чтобы речь шла об индивидуальных человеческих существах». Х. Арендт считает, что представление истории прошлого, не скрывающее моральных предпоч-

тепей, личных переживаний и критических интенций автора, имеет сильное воздействие на аудиторию. Мыслитель подчеркивает, что отчужденность от предмета не способствует объективности¹⁵. Л. П. Карсавин сравнивал бесстрастность с равнодушием: «Познание всегда есть любовь, а любовь... предпочтение, выбор и оценка»¹⁶. Примером эмоциональной причастности и исключительной корректности моральных суждений является изучение В. О. Ключевским истории раскола XVII века. Ученый вызвал его участников на «исторический трибунал», выясняя цели и мотивы деятельности, способы достижения поставленной цели, характер и результаты действий. Осуждая поступки, историк обосновывал оценки возможностью действовать иначе, показывая наличие альтернативы в каждой конкретной ситуации¹⁷.

Изучение истории предоставляет возможность вести диалог по самым актуальным проблемам современности: о манипуляции сознанием и самостоятельности мысли, об исторических закономерностях и свободе выбора, об истоках фанатизма, равнодушия и основах гуманности. Данные проблемы оказывают значительное влияние на интеллектуальный, политический и морально-психологический климат в обществе, несмотря на то, что предметом дискуссий могут быть события XX века или история этнической мифологии, формирование которой насчитывает многие столетия. Так, в течение долгого времени многие историки с тревогой отмечают нежелание российского общества осмысливать причины социально-политических конфликтов 1917–1950-х годов¹⁸. Такие ученые, как Ю. А. Поляков, А. Ф. Васильев, И. В. Павлова указывают на появление политически ангажированных исторических трудов (в том числе — апологетических работ об И. Сталине)¹⁹. В. П. Булдаков и М. Мамардашвили высказывали предостережение о возможности повторения «картины ада»²⁰.

Благодаря историческим исследованиям формируется (или корректируется) отношение к феноменам «актуального прошлого» — люди, стремящиеся к знанию, имеют возможность выяснить истинную ценность новых изданий и новых сведений. Известный нидерландский историк и культуролог, автор статей по методологии науки Й. Хейзинга настаивал на необходимости борьбы с мифами, выдаваемыми за науку²¹. Современные исследователи считают, что критическое отношение к публикациям остается актуальным и в настоящее время²².

Для реконструкции исторической реальности, поведения людей прошлых эпох и их восприятия мира, в котором они творили историю своей судьбы, необходимо изменение масштабов исследований

и отношения к источникам. Необходимо осознать, что ценностью является любой вид свидетельств умонастроений и деятельности современников прошедших столетий. Исследователи отмечают, что особенности подхода к анализу документов обуславливают степень осознания историком не только профессиональной, но и морально — нравственной ответственности за результаты его научной работы. Однако объективация исторического прошлого позволяет многим исследователям абстрагироваться от этого, лишь в случае определения в качестве познавательной задачи интерпретации источника возникает проблема осмысления целостности культуры, развернутой как в коэзистенциальном, так и в историческом пространстве²³.

Современная ситуация позволяет историкам использовать достижения всех гуманитарных наук в поисках новых путей познания прошлого, формулируя актуальные вопросы и раскрывая аспекты, ранее не являвшиеся предметом внимания исследователей. Достойный ответ на «интеллектуальные вызовы» эпохи признается и профессиональной, и нравственной обязанностью историков. Роль историка как активного медиатора в нескончаемом диалоге между настоящим и будущим предполагает стремление преодолевать мифы и стереотипы, сложившиеся в историографической традиции и в социальной памяти. Л. П. Карсавин указывал, что талант историка состоит в неумении и неспособности повторять чужие слова²⁴. Такая позиция способна воспитывать у современников стремление к самостоятельности мысли и критическое отношение к ортодоксии и официальной версии истории.

Новые перспективы видения прошлого, изменение задач и методов исторического познания и историописания станут возможны в российской исторической науке, если исследователи, живущие в эпоху гуманитарного ренессанса, смогут преодолеть мифы и стереотипы обыденного и профессионального сознания, критически пересмотреть традиции и новые — «модные» — модели исследования, ориентируясь на высокий уровень профессионализма, корректность и творческий индивидуализм. В науке, как и в жизни, необходимо нравственное усилие, ибо «правы историков свидетельствуют о состоянии истории»²⁵.

Историческая наука может выполнять миссию не только интеллектуальной, но и моральной наставницы новых поколений. Современник Й. Хейзинги, философ Б. Кроче указывал: являясь драмой, история остается «произведением свободы». Именно история показывает, как общество утрачивает бдительность и готовность защищать свободу, ставшую привычкой, и советует, каким

образом вернуть утраченную ценность. Итальянский мыслитель утверждал, что посредством исторической истины преодолевается смятение и страх, благодаря знанию прошлого и тревоге за будущее формируется душа и ум, возникает решимость действовать²⁶.

¹ Мамардашвили М. Возможный человек // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара «Человек». Л., 1991. С. 17.

² Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 401.

³ Сунягин Г. Ф. Историческая антропология как универсальная форма знаний о человеке // Клио. 1998. № 1 (4). С. 10–16; Медушевская О. М. Теория и методология как университетская дисциплина // Народ и власть: исторические источники и методы исследования: Материалы XVI науч. конф., Москва, 30–31 янв. 2004 г. М., 2004. С. 393.

⁴ Ключевский В. О. Соч. М., 1989. Т. 1. С. 81.

⁵ Мамардашвили М. Начало всегда исторично, то есть случайно // Знание – сила. 1991. № 10. С. 80–81.

⁶ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 116.

⁷ Сорокин П. Причины войны и условия мира // Сорокин П. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М., 1994. С. 24.

⁸ Мамардашвили М. Возможный человек. С. 18; Современная наука в социально-ценностном измерении. М., 1998. С. 21.

⁹ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 189.

¹⁰ Материалы архива творческих работ студентов.

¹¹ Овчинников Н. Ф. О моральной ответственности ученого: (Размышления в связи с концепцией Карла Поппера) // Естествознание в гуманитарном контексте. М., 1999. С. 161.

¹² Рингер Ф. Закат немецких мандаринов // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 124.

¹³ Козловски П. Миф о модерне. Поэтическая философия Эрнста Юнгера. М., 2002. С. 71.

¹⁴ Эксле О. Г. Немцы не в ладу с современностью... // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 229.

¹⁵ Трубина Е. Г. Идентичность в мире множественности прозрения Х. Арендт // Вопр. философии. 1998. № 11. С. 129.

¹⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. С. 236, 238.

¹⁷ Ключевский В. О. Соч. М., 1989–1990. Т. 9. С. 178; Антощенко А. В. Ключевский В. О. о церковном расколе в России XVII века (Построение исторического нарратива) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 100–120.

¹⁸ Хеллбек Й. Личность и система в контексте сталинизма: попытки переоценки исследовательских подходов // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 195; Борозняк А. И. Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.

¹⁹ Васильев А. Ф. Новая попытка реабилитации Сталина и сталинизма // Вопросы истории. 2001. № 2; Поляков Ю. А. Почему история нас не учит? // Там же; Павлова И. В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы // Там же. № 10.

²⁰ Мамардашвили М. Возможный человек. С. 10; Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 291.

²¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 424.

²² Соболев Н. А. Интерпретация источника в изданиях-фальсификатах как средство воздействия на массовое сознание // Народ и власть. С. 347.

²³ Румянцева М. Ф. Морально-этическая и теоретико-познавательная составляющая в подготовке историка-источниковеда // Там же. С. 397–401.

²⁴ Репина Л. П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998. С. 246–247; Карсавин Л. П. Философия истории. С. 254.

²⁵ Карсавин Л. П. Философия истории. С. 219.

²⁶ Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 199, 235.

Э. Г. Винограй
г. Кемерово

СИСТЕМНЫЕ ИДЕАЛЫ КАК ЯДРО СИСТЕМНОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

Осмысление тенденций развития современного мира убеждает в возрастающей роли системных идей и представлений. Идеи системности все более явно становятся маяком современных наук о развитых, сложных объектах, возрастает их значимость в сферах инженерии, производства, управления, прогрессирует востребованность в сферах образования, воспитания, гуманитаристики в целом.

Научная и социальная ценность системного мышления обусловлены прежде всего его ориентацией на использование системных закономерностей и технологий, позволяющих соединять взаимодополняющим образом в целостные функциональные комплексы множество разрозненных, часто противодействующих друг другу факторов, влияющих на решение проблем. За счет этого достигается умножение конечного эффекта, повышается результативность исследовательской, проектной, управленческой деятельности. Во-вторых, системная методология дает ориентиры, позволяющие обнаруживать коренные, глубинные механизмы функционирования и развития сложных объектов (проблем). Знание общесистемных закономерностей и качеств является в современных условиях одним из главных рычагов фундаментализации комплекса наук о сложных системах: экономики, биологии, социологии, политологии, социальной экологии, технико-инженерных и других наук. Важнейшее направление фундаментализации подобных наук заключается в преодолении крена на отражение специфических качеств своих объектов и повороте к исследованию системных механиз-